

Рада

Утро. Хмурое сентябрьское утро. Над дорожками парка висит плотный, как вата, белый зябкий туман. Стоящие вокруг пожелтевшие тополя и березы застыли в немом ожидании. Наверное, тоже замерзли за ночь. В воздухе витает запах увядания, мокрых листьев и сигаретного дыма. Сажу на скамейке, курю уже какую по счету за ночь сигарету. Настроение...да какое там настроение. Не спал, замерз и от запаха сигарет уже тошнит....

-Привет. Ты чего такой грустный?

Поднимаю глаза, смотрю хмуро и устало. Теплая улыбка, смеющиеся глаза и озорные ямочки на щеках. Лет двадцать? Или чуть больше? Или меньше? Сейчас возраст угадывать все сложнее. Не отвечаю ничего, выбрасываю окурок и устало откидываюсь на спинку скамейки. Спать хочется просто зверски. Да и нет у меня настроения разговаривать, даже с такими хорошенькими девчонками. Негромко шуршит ее легкое платье - присела рядом. И как ей не холодно? Вроде бы и тепло на улице, но этот туман...

А она продолжает как ни в чем не бывало:

-А я иду по парку, любуюсь красотой. Ведь правда же красиво? - она чуть касается моего рукава. Я поднимаю такие тяжелые веки и молча смотрю на нее. Раскраснелась, улыбается...такая...миленькая. Точно, это слово лучше всего ее описывает. Она, не смущаясь, тараторит все так же:

-Такой туман густой, почти ничего не видно! Только березы в нем свои ветки полощут, как белье в реке....

Я слушаю ее голос, такой мелодичный и приятный. Хм. Березы полощут ветки в тумане... Поэтично.

-А тополя стоят такими великанами. Как будто братья старшие сестренку оберегают. Правда же похоже? - она вопросительно на меня смотрит, а я молчу. Но ее это как будто не смущает, она встает, тянет меня за руку:

-Пойдем гулять? Чего ты тут сидишь, нахохлился, как ворон.

И когда я поднялся, говорит:

-Я Рада.

Кивнул:

-И я рад. Только не знаю чему.

Она звонко рассмеялась, закинув голову, отчего ее волнистые русые волосы рассыпались по плечам настоящим водопадом:

-Да нет же, меня так зовут - Рада, - и улыбнулась, глядя мне прямо в глаза.

-Тогда я рад знакомству...

Она потянула меня снова...шаг...еще шаг... Мне было все равно, сидеть или идти.

Рада продолжила прерванный разговор:

-А потом смотрю - ты сидишь, грустный-грустный. А я не могу, когда люди грустят. Грустить плохо.

-А как ты узнала, что я именно грустный? не усталый, не злой, не пьяный наконец?

Рада улыбнулась широко, весело:

-Ну ты чего? По человеку сразу видно, когда он грустный. Вот бывают люди, которым немного взгрустнулось. Ну там, лето кончилось или еще что-то такое...легкое. И грустинка у человека легкая, светлая, как облачко. Налетела на миг, солнышко закрыв, и улетела. Такого человека легко развеселить можно. Сказал что-нибудь приятное, и уже улыбка, - она снова улыбнулась.

Мы шагали по неровным дорожкам, перешагивая трещины в асфальте и пробивающиеся тут и там сквозь дорожку травинки.

-А бывает такое, что у человека грусть тяжелая. Поругался с кем-то, обидел кто-то или несправедливость какая приключилась. И ходит такой человек насупленный, глаза темные, холодные. Такого человека развеселить сложно. Он грустит еще и от того, что грустит.

Я поднял на Радy глаза, спросил заинтересованно:

-А у меня какая грусть?

Рада посмотрела на меня внимательно, и сказала не то, чего я ожидал:

-Но хуже всего, когда у человека грусть привычная. Она страшнее всего. Такой человек ходит так, будто у него на плечах груз неподъемный лежит. Смотрит под ноги, никого вокруг не видит. И не хочет видеть. И с грустью своей сроднился как с любимой старой курткой. Идет куда-то - обязательно наденет. Попробуешь отобрать - будет сражаться за нее. Он ее холит и лелеет, любит и оберегает. Жалеет себя и постепенно учится не любить других. Таких людей нужно срочно спасать!

Рада не заметила, как повысила голос, на нас стали оглядываться редкие прохожие. И то сказать, странная парочка. Хмурый мужик в теплой ветровке, с трехдневной щетиной и красными от недосыпа глазами, и свежая как весна молодая девчушка в легком цветастом платье и сандалиях. Я остановился, стянул ветровку, накинул ей на плечи:

-Замерзла поди, Рада?

Она зажмурилась благодарно, потерлась щекой о плечо, посмотрела вдоль аллеи:

-Смотри как красиво!

Посмотреть и правда было на что. Туман, наконец, разошелся, выглянуло солнце, и стоящие вдоль дорожек дубы будто вспыхнули в его свете желтым, оранжевым и красным!

Листья ковром накрыли траву, распространяя вокруг дурманящий запах. Рада шагнула на этот роскошный лиственный ковер, сняла сандалии и пошла, разгребая листву босыми ногами. Я шагнул следом, не знаю зачем.

Рада повернулась ко мне, зачерпнула охапку листьев и подбросила вверх, рассмеялась счастливо. Протянула обе руки ко мне:

-Идем! Идем, я тебе кое-что покажу!

Я шагнул послушно. Она ухватила меня за ладонь своими тонкими длинными пальцами, потянула уверенно куда-то вглубь парка. Я остановился:

-Погоди, сандалии....

Но Рада махнула рукой:

-Некогда! Пойдем скорее!

Хм. Ну пойдем. Хотя что за спешка?

Она подвела меня к огромному раскидистому дубу. Под его кроной можно было бы поставить пару десятков столиков, такой он был большой. Рада поманила меня пальцем.

Подошел. Она взяла мои ладони, приложила их к узловатой коре:

-Слушай.

Я послушно стоял, думая про себя, что эта странная девчонка удивляет меня все больше.

А она спросила вдруг, глядя на меня взволнованно:

-Слышишь?

Я отрицательно помотал головой. Рада огорченно вздохнула:

-Так я и думала... Погоди, иди за мной, - она решительно пошла вокруг дерева, пригибаясь перед особенно низкими ветвями. На другой стороне дуба я увидел большое дупло. Все повторилось.

-Слышишь?

-Да, вроде мыши пищат...

Рада рассмеялась. Она вообще любила смеяться, и у нее это получалось очень заразительно. Я невольно улыбнулся:

-Что?

-А ты в дупло загляни. Только не шуми, напугаешь.

Достав телефон, я посветил в дупло и увидел там...наверное, это была мышь. Я не очень разбираюсь во всей этой фауне. Она сидела на задних лапах и испуганно смотрела на меня бусинками глаз, смешно шевеля носом. Я повернулся к Раде:

-А что я должен был услышать?

Она задумчиво погладила кору могучего дерева:

-Этому дубу уже триста лет. Он старше этого города, он патриарх. Он видел все радости и печали этого города. И не засох, живет и радует всех вокруг. Люди утратили связь с природой, с собой. И от этого такие грустные. Вот и ты не слышишь. Вот скажи мне - от чего ты сегодня такой грустный?

Я задумался.

-Дела не идут, с друзьями вчера поругался, не спал вот....

Она улыбнулась грустно:

-И из-за этого ты грустный? Честно-честно?

Я ответил:

-Пойдем, а то твои сандалии найдут себе другого хозяина.

Рада кивнула:

-Пойдем...

Солнышко меж тем уже светило вовсю, расцвечивая парк яркими осенними красками. На дорожке, возле того места, где Рада оставила сандалии, стояла маленькая девчушка лет пяти. Глазастая, курчавая, она посмотрела на нас долгим внимательным взглядом, и строго спросила:

-Тетя, это ваши сандалики?

Рада присела перед ней на корточки, спросила с улыбкой:

-Как тебя зовут, кукла? И где твоя мама?

Девочка насупилась:

-Я не кукла, я Мафа. И вообще, вопросом на вопрос отвечать не вежливо.

Я усмехнулся, а Рада рассмеялась заливисто, сказала:

-Да, Маша, это мои сандалики.

Голос маленькой Маши стал еще строже:

-А зачем же вы их тогда бросили? Ведь нельзя свои вещи разбрасывать.

Рада ответила серьезно:

-Ты права, нельзя конечно. Я больше не буду...

Из-за спины раздался женский голос:

-Доченька, вот ты где. А я тебя обыскалась.

И обращаясь к нам:

-Спасибо большое, что приглядели.

Я ответил:

-Скорее Маша за нами приглядывала, - и подмигнул девчужке.

Рада меж тем принялась обуваться. Маша, заметив это, спросила:

-Тетя, а зачем вы босиком ходите? Так ведь можно заболеть...

Рада с улыбкой сказала:

-Это очень здорово - ходить босиком по траве и листьям. Хотите попробовать? - обратилась уже к маме маленькой чудесницы.

Та замялась, смутилась:

-Да ну как-то неудобно...

Маша подняла на маму глаза и просительно затянула:

-Ну мааааам, ну пажалста! Ну давай с тетей босиком походим!

И мама сдалась, благо тоже была в легких туфельках. Я стоял и смотрел, как Рада водит маму с дочкой по листве, и как их глаза начинают светиться настоящей, неподдельной радостью. А уж когда девчужка увидела мышку, восторгам ее не было предела.

Расстались они с Радой уже подругами. Маша сказала на прощанье:

-Тетя Рада, я вам рада. приходите в гости. И дядю своего хмурого берите.

Рада и мама девочки переглянулись и прыснули, а я улыбнулся Маше - не такой уж я и хмурый...

Мы гуляли по парку до самого вечера. Перекусили в кафешке, покатались на аттракционах, ели мороженое и катались на катамаране. Я не думал о времени, о неидущих делах. Просто гулял. И мне было хорошо. Рада рассказывала мне о том, как просто быть счастливым. Как много вокруг поводов для радости. Маленькие и большие радости подстерегают нас везде. Главное от них не уворачиваться. Так она и сказала.

А потом Рада сказала:

-Мне пора.

Я спросил:

-Завтра встретимся?

Она улыбнулась:

-Ты совсем не грустный теперь. Ты сегодня весь день улыбался и много шутил. Ты устал?

-Нет, мне хорошо.

-То есть быть радостным не сложно?

-Конечно нет. Почему ты спрашиваешь?

Но она продолжала:

-А грустным? Грустным быть легко?

Я усмехнулся:

-Ты ведь знаешь ответ....

Она улыбнулась:

-Знаю. И ты знаешь. Зачем тогда грустишь?

Я не нашелся что ответить. Потом сказал все же:

-Потому что грустно. Бывает такое.

-Самое главное - не позволять себе грустить долго. Любая грусть со временем сушит душу, делает ее черствой. И люди перестают радоваться. А ведь быть счастливым просто.

Она кинула на меня взгляд из-под пушистых ресниц, развернулась и пошла в ночь.

-Рада! Мы встретимся?

-Я хочу видеть тебя веселым...

Я стоял и улыбался. Просто потому, что улыбаться - просто....

Утро. Хмурое сентябрьское утро. Над дорожками парка висит плотный, как вата, белый зябкий туман. Стоящие вокруг пожелтевшие тополя и березы застыли в немом ожидании. Наверное, тоже замерзли за ночь. В воздухе витает запах увядания, мокрых листьев и сигаретного дыма. Сажу на скамейке, курю уже какую по счету за ночь сигарету. Настроение....да какое там настроение. Не спал, замерз и от запаха сигарет уже тошнит....

-Привет. Ты чего такой грустный?

Поднимаю глаза, смотрю хмуро и устало. Теплая улыбка, смеющиеся глаза и озорные ямочки на щеках. Лет двадцать? Или чуть больше? Или меньше? Сейчас возраст угадывать все сложнее. Не отвечаю ничего, выбрасываю окурок и устало откидываюсь на спинку скамейки. Спать хочется просто зверски. Да и нет у меня настроения разговаривать, даже с такими хорошенькими девчонками. Негромко шуршит ее легкое платье - присела рядом. И как ей не холодно? Вроде бы и тепло на улице, но этот туман...

А она продолжает как ни в чем не бывало:

-А я иду по парку, любуюсь красотой. Ведь правда же красиво? - она чуть касается моего рукава. Я поднимаю такие тяжелые веки и молча смотрю на нее. Раскраснелась,

улыбается...такая...миленькая. Точно, это слово лучше всего ее описывает. Она, не смущаясь, тараторит все так же:

-Такой туман густой, почти ничего не видно! Только березы в нем свои ветки полощут, как белье в реке....

Я слушаю ее голос, такой мелодичный и приятный. Хм. Березы полощут ветки в тумане... Поэтично.

-А тополя стоят такими великанами. Как будто братья старшие сестренку оберегают. Правда же похоже? - она вопросительно на меня смотрит, а я молчу. Но ее это как будто не смущает, она встает, тянет меня за руку:

-Пойдем гулять? Чего ты тут сидишь, нахохлился, как ворон.

И когда я поднялся, говорит:

-Я Рада.

Кивнул:

-И я рад. Только не знаю чему.

Она звонко рассмеялась, закинув голову, отчего ее волнистые русые волосы рассыпались по плечам настоящим водопадом:

-Да нет же, меня так зовут - Рада, - и улыбнулась, глядя мне прямо в глаза.

-Тогда я рад знакомству...

Она потянула меня снова...шаг...еще шаг... Мне было все равно, сидеть или идти.

Рада продолжила прерванный разговор:

-А потом смотрю - ты сидишь, грустный-грустный. А я не могу, когда люди грустят. Грустить плохо.

-А как ты узнала, что я именно грустный? не усталый, не злой, не пьяный наконец?

Рада улыбнулась широко, весело:

-Ну ты чего? По человеку сразу видно, когда он грустный. Вот бывают люди, которым немного взгрустнулось. Ну там, лето кончилось или еще что-то такое...легкое. И грустинка у человека легкая, светлая, как облачко. Налетела на миг, солнышко закрыв, и улетела. Такого человека легко развеселить можно. Сказал что-нибудь приятное, и уже улыбка, - она снова улыбнулась.

Мы шагали по неровным дорожкам, перешагивая трещины в асфальте и пробивающиеся тут и там сквозь дорожку травинки.

-А бывает такое, что у человека грусть тяжелая. Поругался с кем-то, обидел кто-то или несправедливость какая приключилась. И ходит такой человек насупленный, глаза

темные, холодные. Такого человека развеселить сложно. Он грустит еще и от того, что грустит.

Я поднял на Раду глаза, спросил заинтересованно:

-А у меня какая грусть?

Рада посмотрела на меня внимательно, и сказала не то, чего я ожидал:

-Но хуже всего, когда у человека грусть привычная. Она страшнее всего. Такой человек ходит так, будто у него на плечах груз неподъемный лежит. Смотрит под ноги, никого вокруг не видит. И не хочет видеть. И с грустью своей сроднился как с любимой старой курткой. Идет куда-то - обязательно наденет. Попробуешь отобрать - будет сражаться за нее. Он ее холит и лелеет, любит и оберегает. Жалеет себя и постепенно учится не любить других. Таких людей нужно срочно спасать!

Рада не заметила, как повысила голос, на нас стали оглядываться редкие прохожие. И то сказать, странная парочка. Хмурый мужик в теплой ветровке, с трехдневной щетиной и красными от недосыпа глазами, и свежая как весна молодая девчушка в легком цветастом платье и сандалиях. Я остановился, стянул ветровку, накинул ей на плечи:

-Замерзла поди, Рада?

Она зажмурилась благодарно, потерлась щекой о плечо, посмотрела вдоль аллеи:

-Смотри как красиво!

Посмотреть и правда было на что. Туман, наконец, разошелся, выглянуло солнце, и стоящие вдоль дорожек дубы будто вспыхнули в его свете желтым, оранжевым и красным!

Листья ковром накрыли траву, распространяя вокруг дурманящий запах. Рада шагнула на этот роскошный лиственный ковер, сняла сандалии и пошла, разгребая листву босыми ногами. Я шагнул следом, не знаю зачем.

Рада повернулась ко мне, зачерпнула охапку листьев и подбросила вверх, рассмеялась счастливо. Протянула обе руки ко мне:

-Идем! Идем, я тебе кое-что покажу!

Я шагнул послушно. Она ухватила меня за ладонь своими тонкими длинными пальцами, потянула уверенно куда-то вглубь парка. Я остановился:

-Погоди, сандалии....

Но Рада махнула рукой:

-Некогда! Пойдем скорее!

Хм. Ну пойдем. Хотя что за спешка?

Она подвела меня к огромному раскидистому дубу. Под его кроной можно было бы поставить пару десятков столиков, такой он был большой. Рада поманила меня пальцем. Подошел. Она взяла мои ладони, приложила их к узловатой коре:

-Слушай.

Я послушно стоял, думая про себя, что эта странная девчонка удивляет меня все больше.

А она спросила вдруг, глядя на меня взволнованно:

-Слышишь?

Я отрицательно помотал головой. Рада огорченно вздохнула:

-Так я и думала... погоди, иди за мной, - она решительно пошла вокруг дерева, пригибаясь перед особенно низкими ветвями. На другой стороне дуба я увидел большое дупло. Все повторилось.

- Слышишь?

-Да вроде мыши пищат...

Рада рассмеялась. Она вообще любила смеяться, и у нее это получалось очень заразительно. Я невольно улыбнулся:

-Что?

-А ты в дупло загляни. Только не шуми, напугаешь.

Достав телефон, я посветил в дупло и увидел там...наверное, это была мышь. Я не очень разбираюсь во всей этой фауне. Она сидела на задних лапах и испуганно смотрела на меня бусинками глаз, смешно шевеля носом. Я повернулся к Раде:

-А что я должен был услышать?

Она задумчиво погладила кору могучего дерева:

-Этому дубу уже триста лет. Он старше этого города, он патриарх. Он видел все радости и печали этого города. И не засох, живет и радуется всех вокруг. Люди потеряли связь с природой, с собой. И от этого такие грустные. Вот и ты не слышишь. Вот скажи мне - от чего ты сегодня такой грустный?

Я задумался.

-Дела не идут, с друзьями вчера поругался, не спал вот....

Она улыбнулась грустно:

-И из-за этого ты грустный? Честно-честно?

Я ответил:

-Пойдем, а то твои сандалии найдут себе другого хозяина.

Рада кивнула:

-Пойдем...

Солнышко меж тем уже светило вовсю, расцвечивая парк яркими осенними красками. На дорожке, возле того места, где Рада оставила сандалии, стояла маленькая девчушка лет пяти. Глазастая, курчавая, она посмотрела на нас долгим внимательным взглядом, и строго спросила:

-Тетя, это ваши сандалики?

Рада присела перед ней на корточки, спросила с улыбкой:

-Как тебя зовут, кукла? И где твоя мама?

Девочка насупилась:

-Я не кукла, я Мафа. И вообще, вопросом на вопрос отвечать не вежливо. Я усмехнулся, а Рада рассмеялась залиvistо, сказала:

-Да, Маша, это мои сандалики.

Голос маленькой Маши стал еще строже:

-А зачем же вы их тогда бросили? Ведь нельзя свои вещи разбрасывать.

Рада ответила серьезно:

-Ты права, нельзя конечно. Я больше не буду...

Из-за спины раздался женский голос:

-Доченька, вот ты где. А я тебя обыскала.

И обращаясь к нам:

-Спасибо большое, что приглядели.

Я ответил:

-Скорее Маша за нами приглядывала, - и подмигнул девчушке. Рада меж тем принялась обуваться. Маша, заметив это, спросила:

-Тетя, а зачем вы босиком ходите? Так ведь можно заболеть...

Рада с улыбкой сказала:

-Это очень здорово - ходить босиком по траве и листьям. Хотите попробовать? - обратилась уже к маме маленькой чудесницы.

Та замялась, смутилась:

-Да ну как-то неудобно...

Маша подняла на маму глаза и просительно затянула:

-Ну мааааам, ну пажалста! Ну давай с тетей босиком походим!
И мама сдалась, благо тоже была в легких туфельках. Я стоял и смотрел, как Рада водит маму с дочкой по листве, и как их глаза начинают светиться настоящей, неподдельной